

Новое воспитание

Реформа среднего образования с заменой классицизма более практическим обучением, имеющим в виду всестороннее развитие духовных и физических способностей ученика

Эдмон ДЕМОЛЕН

Предисловие к 1-му французскому изданию

Превосходство англосаксов — факт неоспоримый. Если оно и не всегда признаётся открыто, то признание это достаточно доказывается тем чувством страха, недоверия, иногда даже ненависти, которое повсюду внушается англичанами.

Мы не можем сделать шага, не встретив англичан, не можем взглянуть на наши бывшие владения, не видя там развевающегося английского флага.

Англосакс вытеснил нас из Северной Америки, которую мы занимали от Канады до Луизианы, из Индии, с острова Маврикия, прежнего Иль-де-Франса, и из Египта. Англосакс господствует над Америкой, владея Канадой и Северными Штатами, над Африкой — через Египет и Капленд; Азией — посредством Индии и Бирмании; Океанией — посредством Австралии и Новой Зеландии; Европой и всем миром — посредством своей торговли, промышленности и политики.

Географическая карта достаточно ясно показывает необычайную силу распространения англосаксонской расы, намеревающейся как бы наследовать Римской империи в управлении миром.

Другие нации: Франция, Германия, Италия, Испания также имеют колонии, но это преимущественно колонии чиновников; они владеют страной лишь посредством военной силы: они её не заполняют, не преобразуют, не пускают в ней корни подобно англосаксонскому переселенцу. Россия и Китай занимают огромные пространства, но в значительной своей части они остаются пустынными и надолго ещё закрытыми для цивилизации.

Напротив, англосаксы в настоящее время стоят во главе самой деятельной, прогрессивной и кипучей цивилизации. Достаточно поселиться им на какой-нибудь точке земного шара, чтобы преобразить её, вводя с удивительной быстротой новейшие усовершенствования западной культуры. Эти молодые общества зачастую опережают нас на пути прогресса и уже называют нас, не без некоторого презрения, — *Старым Светом*. Действительно, надо согласиться, что мы очень стары по отношению к этим молодым. Взгляните, что сделали мы в Новой Каледонии и других наших владениях в Океании и что сделали они в Австралии и Новой Зеландии? Даже в Алжире, который у нас под боком и которым мы владеем уже 60 лет, французского населения только 300 000 человек против 250 000 других европейцев, угрожающих нас поглотить.

Посмотрите, что сделали Испания и Португалия из Южной Америки и что сделали англосаксы из Северной Америки? Различие такое же, как между ночью и днём. Следующие три цифры наглядно покажут это неопровержимое превосходство. По официальной статистике, Суэцкий канал прошли в промежуток одного года: 160 французских судов, 260 немецких и 2262 английских!

Однако недостаточно только отметить это превосходство, заявить о нём с трибуны или в печати и сердито показывать кулак англичанам. Следует мужественно взглянуть на положение дела и пожелать с ними сравняться; следует взглянуть на это положение спокойным взором учёного, изучить его в точности и узнать его действительные факты. В чём заключается секрет этой удивительной способности распространения и этой необыкновенной цивилизующей силы? Каковы средства, ведущие к её достижению?

Предлагаемые этюды имеют целью изучить этот вопрос, составляющий для нас и наших детей вопрос жизни и смерти.

Глава I Образует ли людей французский школьный режим?

Опросите сотню молодых французов, кончающих курс учения: какую карьеру они избирают? Три четверти из них ответят, что они кандидаты на государственную службу.

Большинство желает поступить в армию, или получить должность в суде, в министерствах, в администрации, в финансовом управлении, в консульствах, или же сделаться инженерами: горными и путей сообщения, лесничими, акцизными чиновниками, или получить место при университете, при библиотеке или архиве и т.п.

Независимые профессии избираются только теми молодыми людьми, которым не удалось попасть ни на одну из вышеназванных должностей.

Государство, разумеется, не в состоянии принять всех этих кандидатов на свою службу: оно принуждено выбирать, производить между ними отбор, который может совершаться не иначе как путём экзаменов или через протекцию и привилегированное происхождение. Последние случаи составляют исключения, преимущественно же экзамены открывают доступ ко всевозможным карьерам.

Поэтому сдать удачный экзамен составляет главную заботу молодого француза, так как всё его будущее зависит от этого первого успеха. Родители принимают все меры, чтобы обеспечить за ним этот успех. Вследствие этого французы признают за школой громадное значение, так как преимущественно она открывает наиболее желаемые пути и производит социальную классификацию. С другой стороны, сама школа подбирает наивыгоднейшие для себя условия, чтобы облегчить своим воспитанникам удачный экзамен. Иначе не может и быть, ибо родители уважают учебное заведение сообразно с числом учеников, выдерживающих конкурсные экзамены. Коллеж, потерпевший неудачу в этом особенного рода *спорте*, скоро лишается своих учеников. Следовательно, для учебного заведения экзамен — это вопрос жизни и смерти.

Вернейший способ приготовить успешно к экзамену, это так называемая — “chauffage”, т.е. искусственная и усиленная выгонка знаний. Этот варварский приём сделался до такой степени необходимым, что он практикуется всюду, начиная от университета и кончая частными учебными заведениями.

Что же такое эта “выгонка”?

“Она заключается в том, чтобы в возможно краткий срок дать поверхностное, но временно достаточное количество знаний по экзаменационным предметам”.

Эти знания должны быть даны в “наименьшее количество времени” по двум причинам: во-первых, заставляет торопиться ограничение возраста, назначенного для поступления в различные должности. Это ограничение имеет своей целью сократить постоянно возрастающее число кандидатов и сделать попытки их более затруднительными; во-вторых, кандидаты заинтересованы по возможности раньше сдать экзамены, чтобы достигнуть высших должностей раньше срока, положенного для отставки.

В таких условиях учение по необходимости поверхностно. Но оно, даже помимо этого, было бы таким в силу громадного объёма программ. Чем больше увеличивается число кандидатов, тем больше расширяют программы, чтобы увеличить препятствия. Таким образом доходят до энциклопедических программ, которых никакой человеческий ум не в состоянии изучить основательно и которые по этому проходятся лишь поверхностно. Сами профессора-экзаменаторы были бы в большом затруднении, если бы им пришлось ответить на все вопросы программы, и рисковали бы наряду с экзаменуемыми кандидатами “провалиться”.

Теперь следует объяснить, почему эта “выгонка” даёт лишь кратковременное знание экзаменационных предметов. Если бы этот способ преподавания имел целью внушить действительное и основательное знание и развить упражнением высшие умственные спо-

способности, то результат его мог бы быть прочным. Но так как он рассчитан исключительно на усилия памяти, то и результат его поверхностен, и, не проникая в глубь ума, знание улетучивается вместе со свежестью воспоминания. Впрочем, никакого неудобства от этого не возникает, ибо единственная цель этих усиленных занятий — экзамен. Достаточно в данный момент быть в состоянии выдержать испытание, остальное — не важно, ибо карьера обеспечена.

Вот каким образом экзамены породили систему “выгонки”. Они породили, кроме того, специальное учебное учреждение — многолюдный *интернат*.

В стране, в которой только экзамены открывают доступ к самым желательным карьерам, родители в деле воспитания детей склонны вполне полагаться на учебное заведение. Действительно, система “выгонки” требует особой сноровки в виде поощрений, наказаний и других искусственных приёмов, неизвестных семье; но если бы они были даже известны, то всё-таки семья не умела бы их применить или уследить за их применением. При том же и нельзя терять времени, нельзя развлекаться посторонними занятиями, как это обыкновенно бывает в семейной жизни.

Следует признать, что такой школьный режим вполне приспособлен к своей цели — приготовить чиновников гражданских и военных.

Идеальный чиновник должен отречься от своей воли, он должен быть дрессирован к послушанию; он должен исполнять без рассуждения приказание своего начальства. Он, в сущности, есть не что иное, как орудие в руках другого человека.

Взгляните, до какой степени приспособлено к образованию таких людей большое, закрытое учебное заведение. Прежде всего, оно устроено на подобие казармы: ученики встают по звуку барабана или колокола; идут рядами, так что даже прогулка походит на маршировку солдат. Рекреации большею частью происходят во внутреннем дворе, окружённом высокими зданиями; молодые люди больше прогуливаются в нём группами, чем играют. Притом рекреации коротки: полчаса утром, час в полдень и полчаса в 4 часа дня. Выходы редки: в среднем один день в месяц. Родители видят своих детей только два раза в неделю, в продолжение не больше часа, в официальной приёмной, наполненной посетителями, где разговор слышен соседу.

Понемногу этот режим подавляет у молодого человека привычку к свободной и непосредственной деятельности и убивает оригинальность. Он стирает различия, которые могли бы произойти от влияния семьи. Все разнообразные способности воспитанников отливаются по одной одинаковой форме и из них создаются орудия, готовые подчиняться толчку, получаемому извне. Это послушание тем более пассивно, что режим экзаменов не развивает способности размышлять и рассуждать. Второпях проглатывается, худо ли, хорошо ли, громадная масса предметов, причём работает только память. Как в своё время без рассуждения принималось преподавание, целиком заключавшееся в программах, так будут приняты, не колеблясь, приказания, исходящие от бюрократической иерархии. Наконец, разве это преподавание и эти приказания не исходят от одного и того же источника, — от государства? В годы нашего ученичества оно нам передало своё учение; в годы нашего чиновничества оно нам передаёт свои инструкции; значит, ничего не изменилось.

Наполеон понял первый ту важную роль, которую учебное заведение может сослужить в смысле формирования чиновников. В XVII и XVIII веках большие интернаты составляли ещё редкость; они развились лишь во время первой Империи. Преобразовав университеты, Наполеон обобщил этот тип. Действительно, государство, централизованное как Франция того времени, могло существовать лишь с помощью большого числа чиновников. Поэтому государство было заинтересовано в том, чтобы образовывать молодых людей, которых оно позднее могло бы употребить на службе. Тогда явилась необходимость внушить молодым людям в возможно раннем возрасте, когда убеж-

дения ещё не окрепли, те доктрины и привычки, которые должны быть присущи хорошему чиновнику, т.е. **отсутствие инициативы, привычку пассивного повиновения, единообразие чувств и идей — словом, всё то, что отнимает у человека его личность.**

Правительства, следовавшие одно за другим во Франции после первой Империи, несмотря на их различные названия, не изменили наполеоновского строя, который доньше представляет собою строй нашего политического здания. Наше столетие не только не уменьшило, но ещё увеличило централизацию и количество служебных должностей. Сообразно с этим постепенно развилась система “выгонки” и современного большого интерната.

Таков режим, которому подчиняется большинство французов, питаюсь надеждой, что удачные экзамены доставят им доступ к государственным должностям. Однако, хотя все надеются на это, но не все могут быть приняты на службу; тем, которые потерпели неудачу, приходится искать других занятий.

Тогда возникает следующий серьёзный вопрос: в состоянии ли современный школьный строй, приспособленный только к образованию чиновников, приготовить людей, способных создать себе независимое положение, т.е. таких, которые сами могли бы помочь себе.

Для того чтобы создать себе независимое положение, нужны инициатива, воля, привычка рассчитывать на себя. Между тем режим, о котором мы выше говорили, не только не развивает этих свойств, но заглушает и душит их. Более того, он приучил понемногу людей к перспективе готовых положений, требующих для дальнейшего успешного хода не постоянного усилия, а лишь терпения и выжидания. Действительно, и в администрации, и в армии повышения зависят преимущественно от старшинства и от протекции. Трудно попасть на службу; но раз это достигнуто, правильное и автоматическое движение неудержимо толкает вас с одной ступени на другую. Очевидно, подобная перспектива не содействует развитию героических чувств. Кроме того, чтобы предпринять независимое дело, нужно быть молодым. Только при этом условии можно, не сморгнув, идти навстречу трудностям, возникающим при всяком предприятии, и победить их. Надо быть молодым и для того, чтобы научиться какому-либо ремеслу. Между тем кандидат на государственную должность ждёт до двадцати, двадцати пяти, иногда до тридцати лет и больше. Когда же он окончательно теряет надежду на успех, то большое число видов деятельности оказывается уже закрытым для него; он ничего не может предпринять, потому что дебюты на этих путях продолжительны, трудны и мало вознаграждаются. Далее: чем старше человек, тем он делается требовательнее, а чем больше требований, тем труднее найти самостоятельное дело. Таким образом, время проходит, а затруднения нарастают. Но недостаточно быть только молодым, надо ещё иметь способность и склонность к данной работе и технические знания. Нельзя сразу сделаться сельским хозяином, промышленником или торговцем. Все эти занятия требуют обучения, которое приобретает преимущественно практикой и семейными традициями.

Описанный нами школьный режим не подготавливает к этим различным занятиям. Напротив, он внушает к ним презрение, навязывая мысль о превосходстве государственной службы. Сколько семейств, благосостояние которых зиждется на земледелии, промышленности или торговле, удивляются, слыша от своих сыновей, окончивших курс в коллеже, что они отказываются продолжать отцовскую профессию! Коллеж внушил им к ней отвращение.

Это влияние коллежа постоянно возрастает, и в настоящее время все сильно жалеют на охлаждение французской молодёжи к обыкновенным рабочим профессиям, которым, однако, наиболее полезны и достойны уважения.

Таким образом, молодые люди, не выдержавшие экзаменов, принуждены бывают выбрать эти профессии, но делают это по принуждению, без расположения и без достаточной подготовки – словом, при наихудших условиях для успеха.

Впрочем, кроме государственной службы, существуют ещё две профессии, к которым наша школа по преимуществу подготавливает: это — частные службы и так называемые свободные профессии.

Относительно частной службы это понятно. Между нею и государственною службой существует большое сходство: и та, и другая требуют одинаковых качеств, а именно: отсутствия инициативы, воли и напряжения в работе; одинаково также дают обеспечение, которое достигается медленным, но верным повышением.

Молодые французы, потерпевшие неудачу на экзамене, обращаются предпочтительно к подобного рода службе. Известно, что должности в частной администрации также атакуются массой кандидатов, которых невозможно удовлетворить. Тогда обращаются к свободным профессиям, что также составляет прямое последствие нашего школьного режима. Отличительная черта последнего — это энциклопедизм, вследствие возрастающего числа экзаменационных предметов. Молодой француз оставляет коллеж, убеждённый в том, что он всё знает, потому что он всё проходил и может говорить и писать обо всём. И вот он делается в каком-нибудь смысле литератором, потому что коллеж его плохо подготовил, или сделал его неспособным ко всякой другой независимой карьере. Но если наш школьный режим размножает таким способом число людей, посвящающих себя свободным профессиям, то он в то же время даёт их уму особенный отпечаток. Характерную черту составляет затруднение, иногда даже полная неспособность изучить какой-либо вопрос основательно. **Француз блистает преимущественно в работах, в которых требуется воображение, в быстрых, а следовательно, и рискованных обобщениях.** В высшей степени поучительна с этой точки зрения газета “Journal de la librairie”, дающая еженедельное обозрение литературных произведений, выходящих во Франции. Обширные труды встречаются всё реже и реже, а если и появляются, то имеют обыкновенно характер более или менее энциклопедических компиляций, а не индивидуальных произведений, требующих долгого размышления. Это скорее пространные учебники, представляющие совокупность фактов в наиудобнейшей для усвоения форме. Для обширных личных сочинений во Франции, за очень немногими исключениями, нет более ни авторов, ни читателей. Поэтому издатель выражает полнейший ужас при одном предложении издать сочинение в нескольких томах.

Подобное бессилие предпринять глубокое изучение не есть “особенность нашей расы”. В этом можно убедиться, если сравнить произведения двух последних веков и начала этого века с произведениями последних сорока лет. Этот факт зависит в большой степени от школьной “выгонки”, обусловленной экзаменами.

Когда ум дрессируется исключительно для поверхностного обозрения фактов, для изучения только руководств, для быстрого понимания, а не для суждения, для скорого, но не перевариваемого усвоения большого количества знаний, тогда всякая методическая и основательная работа становится невозможной: человек делается неспособным предпринять её. Эта неспособность тем сильнее, чем продолжительнее данный субъект подвергался подобному школьному режиму. Всего больше это явление развито среди воспитанников наших больших учебных заведений: они в превосходной степени обладают памятью, быстротой понимания, привычкой схватить объяснение на лету; но единственные качества, которыми они обладают, и им-то они и обязаны своим успехом на экзамене. Но когда приходится применять эти качества, более блестящие, чем солидные, на деле, тогда — они остаются позади.

Следовательно, наш современный учебный строй готовит преимущественно чиновников и мало пригоден для того, чтобы дать иные результаты. **Особенно дурно приспособлен этот строй для образования человека.**

Глава II Образует ли человека немецкий школьный режим

Можно подумать, что какой-то злой дух разбивает все наши идеалы. Теперь очередь за

школой. Школа! Не достаточно ли нас воспитали в уважении, в культе этого учреждения!? Если немцы нас побудили, то это потому, что их школы были превосходнее наших: немедленно мы расширили наши учебные программы и увеличили число школьных помещений. Если дело касалось обучения, никакая роскошь не казалась нам преувеличенной; у нас был период школьных дворцов. Мы разорялись на это с увлечением не меньшим, чем у любого расточителя.

Это было всеобщее увлечение: недостаточно было сделать школу даровою, надо было сделать её обязательною. Все должны посещать школу! Туда толкали сына крестьянина наравне с сыном буржуа. Горе тому, кто осмеливался выразить малейшее сомнение относительно всемогущего влияния школы!

В то время лозунгом было подражать Германии: у неё заимствовали её военные учреждения, у неё же брали и школьные учреждения, её педагогику, филологию, пресловутую немецкую филологию, столь тонкую и проницательную! “Дайте шестиклассникам хорошие латинские темы, и вы увидите, как наша страна снова поднимется”, – говорили профессора университета. Гипнотизированная Франция повторяла эти магические слова.

Каким образом то, что составляло вчера неопровержимую истину, сделалось сегодня ошибкой? Ибо нельзя в этом обманываться, все признают эту ошибку, как по ту, так и по эту сторону Рейна. У нас первоначально слышался глухой ропот: некоторые осмеливались сказать, что школа решительно не даёт ожидаемых от неё результатов; что расширение программ обучения совпало с видимым ослаблением знаний; что средний результат экзаменов понижается тревожным образом, в подтверждение чего приводили цифры и факты. Мало того, стали раздаваться голоса, что развитие школы увеличило число людей, потерявших своё положение, число неспособных к труду, что оно грозит серьёзную опасность. Но так как эти голоса раздавались из среды, чуждой миру официального обучения, то их сначала отказывались слушать и даже обвиняли их в предвзятости.

Но вот официальные представители французского университета, люди, стоящие во главе учебных учреждений, бывшие министры народного просвещения возвысили голос и выразили те же самые опасения. В самой Сорбонне было объявлено, что следует предпринять реформы и что они крайне необходимы.

Можно было бы подумать, что это зависит от пристрастия французов быстро переходить от одной идеи к другой, от одной крайности к другой. Но тот же самый протест раздался также в центре самой Германии – в Берлине. И автор этого протеста не кто иной, как сам германский император.

Итак, обе страны, громко и ясно провозгласившие за последние годы могущество школы в настоящее время, с не меньшей энергией утверждают, что школа не исполнила того, что обещала, или, лучше сказать – того, чего от неё ожидали.

В чём же обмануты были ожидания германского императора? Чего требует он от школы? Исследовать это весьма интересно и поучительно; столь же интересно познакомиться с его новой программой и сделать заключение о том, осуществится ли то, чего он ожидает.

Первая половина речи императора имеет целью развить следующую мысль: *школа не дала того, что мы от неё ожидали.*

Прежде всего император констатирует факт, что школа не дала надлежащего результата уже с точки зрения самого обучения, или приобретения знаний, одним словом, с технической точки зрения. Вот его слова:

“Мне не пришлось бы, может быть, издать известный циркуляр, о котором г. министр недавно напомнил, если бы школа была на своей надлежащей высоте. Прежде всего я хочу сказать, что если я буду строг, то это не касается никого лично, а относится ко всей системе... Школа не сделала того, что мы были вправе от неё ждать. Отчего произошло это? Оттого, что во многих случаях действовали ошибочно”...

Нужно молодых людей готовить “к борьбе за жизнь”! Нужно сделать из них практически людей, способных собственными силами выйти из затруднения, способных выдержать столкновение с наилучше подготовленными эмигрантами других рас. **Увы!** — и в этом отношении школа не оказалась на высоте задачи: она создаёт только беспочвенников, неудачников, журналистов, хуже того — создала переутомлённых, “близоруких” телом и духом, неспособных к энергичному действию, — таковы собственные слова императора. Прежде всего он указывает на переутомление, разрушающее тело и неблагоприятно действующее на развитие воли.

“Говоря о занятиях наших молодых людей, я должен заявить, что положительно необходимо сократить число часов домашних учебных работ. Господин тайный советник Гинцпетер, конечно, помнит, что первый протест родителей и семейств относительно вечерних уроков раздался ещё в то время, когда я посещал Кассельскую гимназию. Вследствие этого правительство произвело исследование: мы были обязаны ежедневно передавать директору записку, в которой значилось количество часов, проведённое нами дома в приготовлении уроков к следующему дню. **Господа, я был вынужден работать дома семь часов,** — тайный советник Гинцпетер может это засвидетельствовать: он следил за моими занятиями. **Прибавьте ещё шесть часов в классе, два часа на принятие пищи, и вы можете рассчитать, сколько у меня оставалось свободного времени. Если бы я не имел возможности ездить верхом,** — говорит он, — и вообще не пользовался бы некоторою свободой движения, то я вообще *не имел бы понятия о том, что происходит на свете*”.

Далее император признаётся, что он мог противодействовать этому переутомлению, благодаря лишь особому обстоятельству, доступному не каждому учащемуся.

В конце своей речи император упоминает ещё о физической немощи, созданной современной системой преподавания: **“Что могут делать люди, которые не видят своими собственными глазами? А в школах 74% близоруких! Когда я учился в Кассельской гимназии, то преподавание велось в хорошо проветренной зале, по особому желанию моей матери; и вот из 21 моих товарищей 18 носили очки! Эти вещи трогают моё сердце. Могу вас уверить, что я получил массу просьб и пожеланий от родителей. Это касается меня, как отца всей нации. Я обязан объявить, что подобный ход дела не будет продолжаться: люди должны смотреть на мир собственными глазами, а не сквозь очки. Господа, обещаю, что отныне мои стремления будут клониться к этому изменению”**...

Но проследим до конца мысль императора. **“Гимназии и университеты, — говорит он, — должны были бы серьёзно взяться за этот вопрос и так обучать подрастающее поколение, чтобы молодые люди моего возраста, т.е. 30 лет, сами содействовали бы подготовке средств для моей работы в государстве, чтобы сделать меня скорее хозяином движения”**.

Нельзя, конечно, обвинить императора в скрытности: он открыто требует, чтобы в школах ему просто-напросто фабриковали вспомогательные средства, позволяющие ему “сделаться хозяином движения”. Вот его идея обучения, вот та роль, которую он возлагает на школу! Будут ли довольны немецкие учителя и семейства — это их дело.

Пока я писал эти строки, меня навестил один из моих друзей, занятый также вопросом о подготовке своего сына к “борьбе за жизнь”. Он — что редкость во Франции, — не желает сделать из него ни чиновника, ни служащего в администрации, но желает приготовить его к тому, чтоб он сам умел справляться со своими делами. Следовательно, он подобно германскому императору, но ещё серьёзнее, ищет этого знаменитого практического воспитания, о котором все говорят и которое так мало применяется. С этой целью он написал несколько программ иностранных школ, из которых его особенно поразила одна, вследствие чего он возымел счастливую мысль ознакомить меня с нею. Я считаю полез-

ным разобрать эту программу здесь, прибавив несколько подробностей, которые мне удалось получить непосредственно.

Речь идёт об одном английском коллеже, специально устроенном для подготовки молодых людей к *самостоятельной жизни вне отечества*, к той земледельческой обработке страны, посредством которой англосаксонская раса постепенно овладела новыми странами, вытеснив другие расы. Этот тип, следовательно, вполне отвечает тому, который намеревался осуществить своей программой германский император. Но мы увидим, насколько различны средства, избранные для достижения одной и той же цели.

Программа начинается двумя цитатами, помещёнными в эпиграфе. Первая принадлежит Джону Стюарту-Миллю. “Можно не колеблясь утверждать, что при настоящих мировых условиях колонизация составляет лучшее предприятие, в котором с успехом можно поместить капиталы старой и богатой страны”. Вторая цитата принадлежит Э.Форстеру: “Эмиграция становится всё более и более необходимой не только для рабочего класса, но и для всех классов”.

Программа определяет сначала цель своей школы. Она имеет в виду молодых людей, желающих получить более специальное образование, дабы *пополнить пробелы воспитания в коллеже*. Между тем известно, что воспитание в английских коллежах само по себе уже весьма практично.

Дело идёт, одним словом, о том, чтобы дать воспитанникам необходимые качества (qualifications) для успешной *“борьбы за жизнь”*. Мы опять встречаем здесь это выражение (the struggle for existence), как и в программе германского императора.

Директора школы ведут переписку с колониями, получая оттуда необходимые сведения, помогающие молодым людям сознательно делать свой выбор; таким образом уже многим бывшим ученикам этого учреждения удалось с успехом устроиться на чужбине.

Затем следуют сведения о местоположении учебного учреждения; для более точного понимания приложен план, позволяющий ознакомиться с материальной организацией школы.

Прежде всего — коллеж устроен в деревне. Не думайте, что это само собой разумеется: наш земледельческий институт помещается в центре Парижа! Английская школа выстроена на возвышенности между морем (open-sea) и рекою (navigable river lade) с одной стороны и совершенно земледельческой местностью — с другой. Вот два существенных условия, более приспособленных к подготовке переселенцев, нежели скученность немецких студентов в городах.

План указывает размеры имения, которое устроено так, что даёт образцы всех систем земледелия и производства разнообразных продуктов. Кроме того, мы находим из плана следующие строения: ферму, молочную, (Dairy farm) птичник (Poultry farm), мастерские (Workshops), сарай для лодок (Boathouse) и т.д. На плане отмечены также две церкви по соседству, что свидетельствует о том, что школа заботится и о религиозных интересах.

После этих предварительных сведений, программа даёт расписание классов, обнаруживающее вполне практический характер учреждения. Легко видеть, что здесь не преобладали заботы о том, чтобы школа служила политической цели, но есть лишь одно желание вооружить молодых людей всеми практическими знаниями, которые могут им понадобиться. Совершенно обратно тому, что происходит в нашем земледельческом институте, главное место занимают практические занятия. Классы же служат только для того, чтобы давать объяснение и теоретическое обоснование исполненным работам. Поэтому целая колония земледельцев и мастеровых постоянно занята здесь обучением воспитанников различным работам, необходимым для колонизации.

Первое место, разумеется, занимает земледелие, и ученики сами исполняют все подробности земледельческих работ. В их распоряжение даются самые усовершенствованные орудия, чтобы научить их обращаться с ними и узнать их относительные достоинства. В распоряжении учеников находится сад в десять акров (3 3/4 десятины) величиною, с лучшими сортами плодов и овощей, обработанный усовершенствованным способом, дающим

наивысший доход. Пчеловодство пользуется особенным вниманием, что весьма практично, так как в новых странах пчела доставляет драгоценные и трудно добываемые вещества: сахаристое вещество — мёд и осветительное — воск. Часть имения засажена деревьями для изучения лесоводства, причём программа отмечает полезность этого знания переведенцам в Канаде *или* в Австралии.

Уходу за скотом посвящается особенное внимание, что объясняется важностью скотоводства в большей части колоний. Чаще всего с обзаведения скотом и начинается устройство имения. Поэтому нам сообщают, что в имении при учебном заведении имеется 70 лошадей и жеребят и что оно славится своими прекрасными породами лошадей. Преимущественно выбираются наиболее пригодные для работ в колониях. В поместье имеются также различные породы быков, овец, свиней и птиц. Учеников тщательно приучают узнавать их отличительные признаки и относительное достоинство. **“Ученики помогают пастухам и в продолжение всего года посвящаются во все подробности этой важной области”.**

В молочной ферме 50 коров, подобранных с большой заботливостью. Ферма устроена со всеми усовершенствованиями последнего времени, и на ней изучают способы, пригодные для тёплых и для холодных стран. Колонист должен уметь сам лечить скот в случае заболевания, поэтому ежедневно ведутся наблюдения и практические беседы о ветеринарном искусстве.

Хотя ученикам нет надобности, подобно германскому императору, ездить верхом, чтобы получить практические знания, но они ежедневно берут уроки верховой езды, ввиду того, что во многих новых странах лошадь составляет пока единственный способ передвижения, да и притом это единственный способ для обозревания обширных владений.

Наконец, ученики ежедневно исполняют практические работы по землемерию, нивелировке, устройству дренажа и орошения, ибо пребывание в уединённых местностях требует этих различных знаний.

Но для колониста недостаточно уметь обработать свою землю: он должен ещё знать различные ремёсла, чтобы, в случае нужды, уметь самому все сделать. **Словом, требуется образование человека наивозможно более независимого.**

Таковыми чисто практическими соображениями объясняется для нас вторая часть программы школы, именно, работы в целом ряде специальных мастерских: в слесарне и кузнице, где учатся делать и собирать земледельческие машины, чинить инструменты, ковать лошадей и т.п.; в столярной и тележной мастерской, где обучаются обрабатывать дерево, делать колёса, чинить экипажи, плотницкой работе и т. д.; в седельной и шорной мастерской, где обучаются всему, что касается до этой специальности.

В том образе жизни, который предстоит этим молодым людям, нужны ещё другого рода знания и сноровка: надо уметь плавать, грести, править рулём, строить плавучие мосты, делать плоты. Береговой сторож, охраняющий лодки школы, преподаёт эти различные знания. “Между прочим, говорит программа, он учит, как соединить два конца верёвки, не делая узла”. Мне нравится эта точность и детальность программы, указывающая на практичность её составителей, желающих во всем доходить до конца и знающих, что нет ничего бесполезного.

Но нужно ещё уметь подать помощь себе и другим. Поэтому, говорится в программе, в этом деле, столь важном для колонистов, ученики обучаются, как спасти утопающего, как накладывать разного рода повязки, что делать при вывихе, или изломе членов, как останавливать кровь, как лечить рану, ожог и другие обыкновенные повреждения, всё это на основании правил походного госпиталя общества св. Иоанна.

До сих пор программа говорила лишь о работах на месте, о практических упражнениях, составляющих её существенную часть, так как имеется в виду образовать не канцелярских чиновников, а людей действия (*struggleforlifers*). Поэтому о собственно классных работах говорится в самом конце, и говорится кратко: **“Школьное обучение есть только объяснение того, что изучалось и применялось на практике вне класса”.** Два часа еже-

дневно (как видно, нет места школьному переутомлению) посвящаются теоретическому преподаванию (to courses of lectures) земледелия, геологии, минералогии, ботаники, лесоводства, землемерия, строительного искусства, ветеринарии и т.д. Занятия ведутся директором и учителями. Кроме того, предметом публичных чтений служат письма от правительственных лиц и учреждений в колониях, касательно всех вопросов, которые могут иметь интерес для будущих колонистов. Программа эта сопровождается фотографиями, изображающими школьные постройки в различные моменты вышеназванных работ. Сожалею, что не могу воспроизвести их здесь, так как тип учащейся молодежи, схваченный фотографией в момент деятельности, даёт впечатление расы действительно энергичной, практичной, привычной к труду, который ей не страшен, и серьезно выполняющей серьезное дело, надеясь только на Бога и на себя.

Что особенно характерно для этих молодых людей, это то, что они не бедняки, обязанные выселяться под давлением нищеты. Напротив, это дети богатых или, по крайней мере, состоятельных семейств, принадлежащих к тому классу буржуазии, для которого предназначена реформа германского императора. Это прямо говорится в программе, да и достаточно узнать плату за пребывание в школе, чтобы убедиться в этом: назначенная плата 2250 франков в год за ученика до 17 лет; 2700 франков до 20 лет и 3150 франков свыше этого возраста. Следовательно, эти молодые люди могли бы в своём отечестве создать себе скромное, спокойное существование; но вместо того они готовятся путём усидчивого и практического труда к тем тяжким испытаниям, которые предстоят колонисту, заброшенному в одиночестве среди новой страны.

Я уже упомянул, что эта молодежь рассчитывает исключительно на собственные силы. Доказательством этого могут служить приложенные к программе отписки речей, произнесённых во время последнего торжественного акта почтенными лицами, состоящими в звании попечителей этого учебного заведения, возникшего по частной инициативе, как и вообще английские учреждения.

Большая часть этих лиц вели или ведут и теперь жизнь колонистов, и нужно слышать, в каком тоне они говорят ученикам о том, что они встретятся со многими затруднениями и должны будут преодолеть их собственными силами; и эта перспектива не только не отнимает бодрости у молодых людей, но как будто действует на них возбуждающим образом, потому что перспектива трудностей, которые надо победить, останавливающая слабых, напротив, ещё более возбуждает сильных.

Вот какую речь держал один из них, лорд Кнутсфорд:

“Вы должны быть суровы к самим себе, ибо вам предстоит борьба с неудачами: ваша жатва может быть уничтожена, ваш скот может погибнуть. Но не падайте духом вследствие этих несчастий. Поднимайтесь снова, как подобает мужественному человеку, боритесь и исправляйте ваши потери”. Вот это – настоящая борьба за жизнь! Это как бы песня людей, отправляющихся завоевывать мир, но завоевывать не на прусский манер”.

Другой оратор, сэр Грэхем Берри, главный агент из Виктории, говорит следующее:

“Во всех частях света вы найдёте земли для поселения (settlement), состоящие под британским флагом. Куда бы вы ни пошли, от холодных стран Канады до самых жарких стран Африки и Австралии, везде вы встретите это знамя, которое тысячу лет уже противостоит войнам и бурям. Теперь ваш час настал. Подумайте серьезно о направлении, которому вы будете следовать, о занятиях, которые вам предстоят, и пусть предстоящий вам путь будет в точности вам предначертан. Никогда не позволяйте себе колебаться; будьте мужественны, будьте решительны. Я не думаю, чтобы интеллигентный молодой англичанин мог когда-либо очутиться в нужде, когда перед ним открыто столько колоний, где он может иметь успех. Я уже не молод: сорок лет тому назад я уехал, не имея ни одного из тех преимуществ, которыми вы владеете, никому не известный, с очень небольшим капиталом, без технических знаний, не имея ни одного друга в той стране, куда я направлялся; и тем не менее я дошёл до

звания первого министра колонии и три раза был избираем президентом законодательного собрания”.

Когда подумаешь, что не только ученики одной школы, но целый народ воспитан под таким режимом, в виду борьбы за жизнь, что целый народ переносит в чужие страны свою могучую и практическую организацию, тогда начинаешь понимать всё яснее. Тогда догадываешься, кому принадлежит будущее, кому будет принадлежать мир, и тогда является убеждение, что следует воспитывать своих сыновей согласно режиму не немецкому, а англосаксонскому, если желаешь, чтобы они не были когда-нибудь вытеснены и истреблены как первобытные краснокожие дальнего запада.

Вообразите себе, в самом деле, несчастного ученика, воспитанного в немецкой гимназии в созерцании прусской монархии и её милитаризма. Его основное познание — география Пруссии, история Пруссии, или, лучше сказать, её монархов. Он не имеет никакого представления о внешнем мире, который от него скрывают; не имеет понятия о практике независимой жизни. Представьте же себе, что произойдёт, если этот молодой человек внезапно очутится с глазу на глаз с одним из молодцов, получивших то практическое образование, о котором мы выше говорили? Кто из них действительно приговорен к будущей жизни в новых странах, которая предстоит ныне народам старого света? У кого из двух окажется сильная инициатива, которая отныне не может быть присвоена только правителям, но, по выражению самого германского императора, должна быть достоянием целой нации?

Я сопоставил две учебные программы: одна исходит от могущественнейшего монарха Европы, другая — от нескольких частных лиц. **Может быть, монарх не усвоил себе ещё того убеждения, что единственный способ возбудить личную инициативу и энергию в других, это — сократить своё личное влияние: частная инициатива начинается там, где кончается вмешательство власти.**

Глава III Образует ли людей английский школьный режим

Если бы можно было предположить, что социальный вопрос способен резюмироваться в единой формуле, то мы, пожалуй, имели бы право сказать, что это по преимуществу вопрос воспитания. В настоящее время всё дело, в общем, сводится к тому, чтобы приспособиться к новым условиям жизни, которые требуют, чтобы мы сами умели помогать себе. Старые рамки, в которые жизнь вкладывалась по привычке и по долгу, оказались ветхими, поломанными или недостаточными.

Мы имеем счастье или несчастье — это зависит от точки зрения — присутствовать при совершении этой роковой эволюции. Страдания, которые мы испытываем при этом, зависят от контраста, обнаруживающегося между устаревшей системой нашего воспитания и новыми запросами жизни; мы продолжаем спокойно воспитывать людей для такого общества, которое уже не существует.

Реагировать против собственного неудачного воспитания чрезвычайно трудно: не знаю, дают ли себе отчёт в этом мои читатели; что же до меня касается, я слишком хорошо сознаю это. Я вполне ясно чувствую, что во мне живут два человека: один, путём научного исследования социальных явлений, видит, *что следует делать*, рассуждая об этом более или менее учёным образом; другой, заключённый в свою первоначальную форму, как бы подавленный тяжестью прошлого, *не может* исполнять того, что видит первый, или может исполнить лишь с трудом и частично. Моя голова как бы принадлежит “партикуляристической формации”, которая развивает инициативу, остальное же моё существо пребывает в “коммунитарной *формации*”, которая её подавляет. По этому поводу, видоизменяя известный стих Вергилия, можно воскликнуть: “О, как же трудно сбросить свою социальную формацию!”

Но то, что трудно для нас, в нашем возрасте, не составляет трудности для наших детей.

Они, подобно мягкому воску, могут ещё воспринимать новые впечатления и удерживать их. Если мы обречены оставаться на берегу, то поможем им перейти через Рубикон. Вот в чём заключается великий современный труд отцов семейства, и те, кто не исполняет этой своей первой обязанности, будут жестоко наказаны в своих сыновьях.

Что касается до меня, то я желал бы исполнить этот долг по отношению к моим детям. Поэтому я воспользовался последним моим пребыванием в Англии, чтобы близко и практически изучить этот вопрос воспитания. Я желаю, чтобы это исследование внесло столько же света в сознание моих “собратьев”, французских отцов семейства, сколько оно дало мне самому.

Несмотря на то, что английское воспитание гораздо лучше приспособлено к новым жизненным запросам, нежели наше, несмотря на то, что англичанам удаётся лучше образовывать людей инициативы, привыкших рассчитывать только на самих себя, тем не менее англичане больше нас заняты реформами в деле воспитания молодых людей. Опередив нас на пути современного преобразования жизни, они сильнее чувствуют необходимость стать на высоту всех жизненных требований. Сущность этих требований состоит в том, чтобы образовывать людей, которые бы могли себе помочь во всех трудностях и во всех обстоятельствах жизни, людей практических, энергичных, а не чиновников или литераторов, которые знают о жизни только то, чему можно научиться из книг, что, по правде сказать, весьма немного. **Англичане желают получить результат, наиболее отвечающий условиям современной социальной жизни, именно настоящих людей.**

Однажды, когда я беседовал в Эдинбурге с одним из профессоров университета о преподавании в Англии, он мне сказал: “Завтра ожидают на Summer-Meeting (летнее собрание) человека, который может вас интересовать: он — учредитель и директор школы, устроенной в центре Англии; это — доктор Сесиль Редди”. Я был очень удивлен на другой день, когда нас представили друг другу.

У нас существует классический тип директора коллежа: корректная осадка, тёмная одежда, длинный чёрный сюртук, более или менее торжественный и подтянутый вид человека, убеждённого, что он исполняет священнодействие, и желающего показать это; медленная походка, сдержанные манеры, беседа, переполненная изречениями, направленными к обогащению ума и сердца молодёжи, особенно же достоинство, чрезвычайно много достоинства.

Человек, который крепко пожимал мне руку, был совсем иной. Видели ли вы когда-нибудь пионера, американского скваттера из дальнего запада? Я представляю его себе не иначе, как в виде доктора Сесилия Редди. Высокий, худощавый, с крепкими мышцами, замечательно хорошо сложенный для всякого рода спорта, требующего подвижности гибкости и энергии; костюм его вполне соответствует физиономии; это костюм английского туриста: серая суконная блуза с поясом по талии, короткие панталоны, толстые шерстяные чулки, заходящие за колена, крепкая обувь, на голове шапочка. Даю эти подробности, потому что этот тип директора кажется мне живым олицетворением того типа школы, которую я хочу вам описать; человек является точным изображением своего дела.

На другой день, — это была суббота, когда нет классов, — д-р Редди и я, мы сидели в одном из огромных английских омнибусов, который увозил на экскурсии членов “Летнего собрания”. Во время этого переезда и большую часть дня д-р Редди излагал мне идею и план своей школы, отвечая на мои вопросы и предлагая мне их в свою очередь. Вот сущность нашего разговора:

— Современное обучение, — сказал он, — уже не отвечает более условиям новейшей жизни: оно формирует людей для прошлого, а не для настоящего. Большинство нашей молодёжи тратит массу времени на изучение мёртвых языков, которыми пользоваться приходится весьма немногим. Новые языки изучаются поверхностно, равно как и естест-

венные науки, и молодёжь остаётся в неведении о всём, что касается реальной жизни, практических дел и общественных отношений. Система игр также нуждается в реформе, как и метода обучения. Атлетическое переутомление столь же несомненно, как и классическое. Реформы эти затрудняются тем, что наши школы находятся под влиянием университетов, для которых они готовят известное количество своих учеников. Университеты же, как и всякие старинные корпорации, не вольны в самих себе: невидимое и неосоздаваемое привидение царит над директорами и преподавателями: это дух традиции и рутины, более сильный, нежели авторитет самой власти.

— Прекрасно, но каким же образом ваша школа достигает изменения этой системы преподавания?

— **Наша цель — достигнуть гармонического развития всех человеческих способностей.** Ребёнок должен сделаться совершенным человеком, чтобы быть в состоянии выполнить все задачи жизни. **Чтобы достигнуть этого, школа не должна быть искусственной средой, в которой воспитанники приходят в сообщение с жизнью единственно через посредство книг; она должна составлять маленький реальный мирок, в котором ребёнок был бы поставлен по возможности близко к природе и к действительности.** Нужно изучить не только теорию явлений, но и практическое её применение, и эти два элемента должны быть теснейшим образом связаны в школе, подобно тому, как они находятся в связи вокруг нас. Тогда молодой человек, входя в жизнь, не входит в новый мир, к которому он не подготовлен и в котором он совершенно не умеет разобраться. **Человек не есть чистый интеллект, но интеллект, соединённый с телом; поэтому следует формировать также энергию, волю, физическую силу, ловкость рук и вообще ловкость и быстроту.**

По мере того как д-р Редди вёл свою беседу, я начинал понимать идею, которая направляла и вдохновляла его деятельность. Но чтобы совершенно уяснить её себе, я просил рассказать мне, час за часом, времяпровождение дня в его школе. Эта картина и сообщённые им подробности, о которых я ещё скажу, помогли мне довольно ясно понять весь механизм этого учреждения.

Школа д-ра Редди была открыта им в октябре 1889 года в Абботсгольме, в Дербишире. Она помещается в деревне, занимая участок земли, составляющий, как дальше выяснится, один из важных факторов новой системы воспитания. В prospectus'е, находящемся у меня в руках, обращается особенное внимание на то обстоятельство, что “большого города нет в соседстве”.

Несмотря на то, что это учреждение существует недавно, оно породило уже другое, подобного же типа, основанное одним из наставников Абботсгольма, г. Бадлей, последователем д-ра Редди. Вторая школа помещается на юге Англии, в Суссексе, в Бедале; я имею в руках статью *Review of Reviews: Два опыта: Абботсгольм и Бедаль*, в которой коротко описываются обе школы, с иллюстрациями, дающими возможность наглядного суждения. Кроме того, я два раза посетил последнюю школу. Обе школы вовсе не похожи на наши обширные холодные и голые школьные постройки: это английские коллежи, которые дают впечатление реальной, а не искусственной жизни; они воспроизводят вид родительского дома, а не казармы или тюрьмы. Вместо узких дворов, окружённых высокими стенами, здесь кругом воздух, свет, простор и зелень. Первый взгляд на внешность даёт уже представление о приятном местопребывании, и невольно является вопрос: прочему это всем коллегам стараются придать отталкивающий вид?

То же самое приятное впечатление сохраняется, когда проникаешь внутрь здания. Столовая бедальской школы — это вполне семейная комната: весёлая, удобная; обеденный стол имеет изящный вид; он покрыт скатертью; мебель сделана аккуратно, даже художественно; рояль, картины, статуи, кресла — всё это указывает на желание соединить полезное с приятным. Сравните с этим наши отвратительные столовые в коллежах, и уже

одно это даст вам достаточное понятие о существенной разнице двух систем воспитания.

Это впечатление ещё усиливается тем обстоятельством, что наставники и директор школы, его жена и дочери обедают вместе с воспитанниками. Это вполне семейная жизнь. Ребёнок не отрывается насильственно от реальной жизни, он не пересаживается в обособленный и совершенно искусственный мир, но лишь переходит от одного “домашнего очага” к другому, составляющему точный сколок с первого. Программа говорит: “Эта школа – home, а не просто место, где обучают”. Такова рамка, посмотрим теперь самую картину. Я полагаю, что всего проще дать сначала ежедневное расписание часов, а затем проследить его главные подразделения.

6 ч 5 мин.: встают (зимой в 7 ч), лёгкий завтрак.

6 ч 30 мин.: физич. упражнения и фехтование.

6 ч 45 мин.: первый урок.

7 ч 30 мин.: молитва.

7 ч 45 мин.: сытный, завтрак по-английски (brea-fast): яйца, ветчина и т.д. Затем уборка комнат: каждый ученик сам оправляет свою постель.

8 ч. 30 мин.: второй урок.

10 ч. 45 мин.: лёгкая закуска (lunch): если погода хороша, упражнение лёгких на открытом воздухе с телом, обнажённым до пояса.

11 ч. 15 мин.: третий урок.

12 ч. 45 мин.: пение или плавание в реке, сообразно с временем года.

1 ч.: обед.

1 ч. 30 мин.: упражнение на органе или фортепиано.

1 ч. 45 мин.: игры и садовые работы или прогулки пешком и на велосипеде.

4 ч.: работа в мастерской.

6 ч.: чай.

6 ч. 30 мин.: пение, репетиции для спектаклей, музыка, концерты и т.д.

8 ч. 30 мин.: ужин и молитва.

9 ч.: ложатся спать.

При чтении этого расписания прежде всего бросается в глаза разнообразие упражнений, наполняющих день. Видна постоянная забота о том, чтобы избежать переутомления и равно развивать все естественные способности посредством обучения классного, ремесленного и артистического. Продолжительность каждой из различных работ распределяется следующим образом:

Умственный труд	5 ч
Физические упражнения и ручной труд	4 1/2 ч
Артистические занятия и общественные развлечения	2 1/2 ч
Сон	9 ч
Принятие пищи и свободное время	3 ч
ИТОГО	24 ч

Прибавим, что в воскресенье нет уроков, и ученики полные хозяева своего времени.

Мы видим, что день разделён на три части: утро преимущественно посвящено умственной работе — школьным предметам; послеобеденное время — ручному труду — в мастерских или в поле; вечер — искусствам, музыке и общественным развлечениям.

Попытаемся, следя за этим тройным распределением, понять отчётливо строй новой школы и достигаемые ею результаты.

Метод школьного обучения основан на следующих принципах: “Приводить учеников в соотношение с предметами столько же, сколько и со словами, их обозначающими, так, чтобы переходить постоянно от конкретного к отвлечённому; воспитывать в молодых людях привычку применять то, чему их обучали, и сознание того, что они учатся для своей собственной пользы, не нуждаясь ни в поощрениях, ни в наградах.

В Англии и Соединённых Штатах весьма распространено мнение, что побуждать к

работе посредством соревнования между учениками вредно: такая система развивает зависть, а не чувство долга, и поощряет, следовательно, дурную склонность человеческой природы. Чтобы сделать из детей взрослых людей, нужно обходиться с ними как со взрослыми, обращаясь возможно часто к их совести...

Вот подлинное письмо, адресованное нашему сотруднику директором высшей школы: в Сен-Поле (Миннесота): **“Мы никогда не раздаём наград нашим ученикам, мы никогда не задаём одного сочинения. Если случается им всем работать над одной и той же темой, то я, делая оценку их трудам, стараюсь не дать им угадать, чья работа лучше. Я говорю каждому: вы сделали лучше или хуже, чем в последний раз, но никогда не говорю: вы сделали лучше такого-то. Я нахожу, что нехорошо, если ребёнок скажет себе: я лучше такого-то; нужно, чтобы он говорил себе: я лучше того, чем я был неделю тому назад”**.

Преподавание языков, особенно новых, занимает значительное место в новой школе и резко отличается от метода, обыкновенно употребляемого. Я, конечно, не удивлю никого, сказав, что мы изучаем языки, но не научаемся им. Ясно, что наш метод нехорош.

Метод д-ра Редди кажется мне более действительным. В продолжение первых двух лет, т.е. для детей десяти или одиннадцати лет, преподавание ведётся на английском языке. В течение двух последующих лет говорят как можно больше по-французски; потом, таким же образом, два года по-немецки. Латинский и, для желающих, греческий языки изучаются лишь впоследствии.

Очевидно, что такое одновременное преподавание многих языков возможно исключительно при условии практического метода, заключающегося в том, по крайней мере, относительно новых языков, чтобы сначала учиться говорить; грамматику же оставить на втором плане и изучить её потом и в размере только самого необходимого для разговорного знания языка. **Этот метод, вообще неизвестный учителям языков, есть метод самой природы:** таким способом мы все выучились родному языку, без усилия, даже почти бессознательно, но так, что всю жизнь пользуемся им, а это что-нибудь да стоит. У меня четверо детей, старшему девять лет; они учились по-немецки по такому способу, т.е. говоря со своей гувернанткой, и успехи их были чрезвычайно быстры: уже спустя четыре месяца, они не только говорили по-немецки в играх, но, что уже верх совершенства, ссорились между собой на немецком языке. Теперь они изучают немецкую грамматику по немецкому руководству так же, как французскую по-французски. Привожу этот пример, чтобы оправдать, если это нужно, метод, принятый в новой школе. Для того чтобы дети не забыли языка, которому они выучились в предшествующие года, они продолжают говорить на нём каждый день по несколько часов.

К преподаванию математики прилагается также практический способ: ученикам дают применять на деле те вычисления, которым их обучали; например, они исполняют некоторые работы, при которых нужно комбинировать измерения, занимаются межеванием. Им раздаются счета по расходам фермы, сада, мастерских, игр, канцелярских принадлежностей, химической лаборатории, класса рисования, пищи, отопления: они приводят их в порядок и делают все необходимые для этого расчёты. Нельзя не согласиться, что этот способ придаёт отвлечённому изучению математики особый интерес: всякий видит его практическую пользу; цифры оживают: является умение и вести хозяйство, промышленное или торговое дело, словом, действительно готовятся практические люди, способные действительно жить в обществе.

Обучение естественным наукам имеет исходной точкой непосредственное наблюдение природы. Это тем удобнее, что школа помещается в деревне, и дети легко могут собрать много образцов из царств минерального, растительного и животного. Кроме того, жизнь и нравы животного и его внешние органы изучаются раньше внутренних органов и скелета; форма и строение растений – раньше их классификации; названия и наружный вид звёзд и планет — раньше законов их движения. Экскурсии, о которых упомянуто в расписании, дают прекрасный случай делать все эти наблюдения. Наука становится естественнее, по-

нятнее, привлекательнее; она проникает легче в ум и прочнее там запечатлевается. Учение не оставляет после себя, как это часто случается при наших методах, одно неприятное впечатление, но, напротив, желание приобретает дальнейшее знание, даже после выхода из коллежа, и это благодаря тому интересу, которое им было возбуждено.

История преподаётся по методу, приближающемуся к тому, которым мы пользуемся для изучения социальной науки. Преимущественно заботятся о том, чтобы возбудить интерес к *изучению причины и следствия*, в характерах и движениях драмы, а не нагружать память фактами и цифрами. Стараются определить связь между физическими и политическими условиями данной страны и изучить её торговое развитие. Начинают с изучения истории Англии, а затем знакомятся с характерными периодами всемирной истории. При изучении, например, истории Греции указывают на происхождение известной части современных обществ: в римской истории — на тип общества с сильной общественной властью, которая повела к широкому, всемирному распространению расы.

До пятнадцати лет преподавание одинаково для всех учеников: затем оно приспособляется к различным профессиям, которые избираются учениками. Каждый может предпочтительно заниматься тем или другим предметом, согласно с тем, готовит ли он себя для университета, для административной профессии, для земледелия, промышленности, торговли или для колонизации. Эта гибкость программы, это отсутствие неподвижной рамки, в которую обязаны войти все воспитанники, составляет одну из замечательных сторон этой новой школы. Преподавание устроено для учеников, а не, как это часто случается, ученики для преподавания.

Итак, главная идея всей школьной программы заключается в том, чтобы никогда не разлучать теорию с практикой и достигать по возможности полезных для жизни знаний.

Глава IV Как воспитать наших детей?

Мы, французские отцы семейств, устраивая наших детей, заботимся главным образом о том, чтобы дать им приданое, скопленное нашей экономией, затем женить их или выдать замуж за лиц, обладающих приблизительно таким же состоянием; наконец, если это возможно, поместить их на государственную службу.

Но эта система встречает в настоящее время новое и всё возрастающее затруднение вследствие значительного уменьшения процента на капиталы. С пяти процентов он понизился на четыре, а теперь даже на три. При таких условиях трудность составить приданое всё возрастает.

До сих пор это затруднение отчасти не было заметно вследствие изобилия денег во Франции. Мы охотно повторяем, что Франция страна богатая, что она располагает значительным количеством звонкой монеты, и это правда, — действительно в настоящее время Франция представляет самый большой денежный рынок.

К несчастью, это изобилие свободных денег происходит не исключительно от национального труда; отчасти оно зависит от причин искусственных, преходящих, и которые, говоря откровенно, составляют симптомы скорее упадка, нежели процветания.

Прежде всего изобилие денег возросло у нас за счёт уменьшения числа детей. Слишком известно, что рождаемость во Франции понижается из года в год и что по последней переписи смертность в ней выше рождаемости — явление чрезвычайно редкое в человечестве; в настоящее время оно обнаруживается специально во Франции, которая в этом отношении стоит ниже всех других национальностей.

Разумеется, небольшое число детей составляет источник значительной экономии. Если, воспитывая шестерых детей, вы ежегодно тратите шесть тысяч франков, то чтобы вырастить одного, вы тратите только тысячу.

Таким образом, вы сэкономите пять тысяч франков в год. С того момента, когда французы начали практиковать в больших размерах такого рода экономию, в результате получается при равных прочих условиях, что у них больше свободных денег, нежели у насе-

ления, состоящего из многолюдных семей. Такова именно одна из причин, вследствие которой Франция есть самый большой денежный рынок. Это изобилие отчасти зависит от малого числа детей.

Но имеется ещё вторая причина. Эта вторая причина – равнодушие французов к обыкновенным профессиям: земледелию, промышленности и торговле. Эти профессии в забросе, им предпочитают служебные должности. Все наши молодые люди накидываются на государственные школы и давят друг друга, протискиваясь в их двери, давят — это настоящее слово. Каждый француз, заработавший несколько грошей земледелием, промышленностью или торговлей, мечтает о том, чтобы сделать из своего сына офицера, чиновника или литератора.

Вследствие этого мы не пускаем в дело сами наших сбережений; мы помещаем их в биржевые бумаги и несём их на рынок. И вот каким образом равнодушие французов к рабочим профессиям увеличивает у нас изобилие свободных денег.

Но эти же самые причины, порождающие это изобилие, из года в год уменьшают его, и наконец оно должно иссякнуть в будущем, теперь уже, по-видимому, недалёком.

Действительно, если небольшое число детей увеличивает наши сбережения, то оно, с другой стороны, уменьшает также нашу способность к труду. Отец семейства, обязанный кормить и воспитывать шесть человек детей, работает гораздо больше, а следовательно, и больше содействует развитию общественного богатства, нежели отец семейства, которому приходится кормить и воспитывать лишь одного ребёнка. Далее, дети, выходящие из многочисленных семейств, мало рассчитывая на отцовский капитал, приобретают больше способности к работе и больше инициативы, нежели единственные сыновья: последние полагаются в жизни больше на своих родителей, нежели на самих себя.

С другой стороны, если наше удаление от доходных профессий позволяет нам нести на денежный рынок все наши сбережения, то в то же время самый источник этих сбережений иссякает, так как не существует других источников общественного богатства, кроме земледелия, промышленности и торговли. Мы забываем, что все прочие профессии, в сущности, суть профессии паразитные: они тянут соки для своего питания из вышеназванных трёх существенных профессий.

Многие, вероятно, скажут: “Всё-таки такой порядок вещей будет продолжаться пока мы живы”. Это ещё вопрос, но достоверно то, что он не будет продолжаться в течение жизни наших сыновей.

Уже и теперь многие из этих несчастных молодых людей устранены от конкурса в погоне за местами вследствие большого числа кандидатов, несмотря на громадное число мест. **Они притягивались этим обманчивым зеркалом, но дойдя до него, многие нашли только пустое место.**

И что же прикажете им теперь делать? Что могут они делать хорошо? К чему они способны? К чему их подготовили семья, коллеж, высшая школа?

Мы делаем для детей всё, что, казалось бы, должно было иметь успех, — всё, что при нашем воспитании оказывалось успешным, между тем результаты получаются совершенно противоположные тому, чего мы ожидаем...

Чтобы избежать действия ошупью, ошибок и горького разочарования, следует руководствоваться опытом, а так как мы его не находим у себя, где воспитание направлено как раз наоборот, то будем искать этот опыт у других. Будем подражать тем народам, которые уже пережили наши затруднения, которые воспитывают детей, способных действовать самостоятельно вне семьи, родственников, друзей, администрации и т.д.

Такие народы существуют, и надо быть слепым, чтобы их не видеть. Они расселяются по всей земле, они её разрабатывают, колонизируют и везде отодвигают представителей прежнего общественного строя; и все эти чудеса они делают исключительно посредством частной инициативы, посредством всепобеждающей силы самостоятельно действующего человека.

Что же делают эти народы по отношению к своим детям?

Они делают следующее:

1. Прежде всего у них родители не думают, что дети составляют их собственность, принадлежащую им вещь или простое продолжение их собственной личности, как бы переживающее их самих. Наоборот, они полагают, что это существа, которые в скором времени должны будут жить независимо от них. Поэтому их главнейшая забота заключается в том, чтобы как можно скорее произвести эту неизбежную эмансипацию при наилучших условиях. Только эту цель они и имеют в виду; это и есть их особенная форма родительской преданности, которая проявляет себя не в лишении детей свободы, не в прикреплении их к себе, и не в том, чтобы приспособить их к своему образу жизни, делая из них приятную и удобную для себя обстановку. В нашей родительской преданности заключается порядочная доза эгоизма, конечно, эгоизма, прилично замаскированного. Мне приходилось видеть, да, вероятно, и всем также, что многие браки не устраивались только потому, что родители не соглашались отпустить молодых уже не говоря за границу, а просто в другой город. Мы слишком любим наших детей! Но для кого эта любовь? Для них или для нас?!

2. Далее, у этих народов *родители постоянно обращаются со своими детьми, как со взрослыми людьми, как с отдельными личностями.*

Таким путём они действительно воспитывают из них взрослых людей и обособленные личности. Как обращаются с людьми, таковы они и будут. Мы, наоборот, склонны обращаться с ними, как с детьми, не только в период настоящего детства, но и до зрелого возраста, даже и позже. Мы не можем отвыкнуть от мысли, что это не дети... потому только... что это наши дети!

3. У этих народов *родители, воспитывая детей, имеют в виду будущие требования жизни, а не прошедшие её условия,* относящиеся к предыдущему поколению. Они не ставят детям в образец самих себя, какими они раньше были, и ту среду, в которой они жили. Мы же поступаем подобно нашей аристократии конца прошлого века, которая в начале нынешнего столетия воспитывала ещё своих детей для доброго старого времени, для их исключительного положения, которого уже не существовало, для богатства, которого у них уже не было, для придворной жизни, для воспоминаний, не имевших уже никакого значения, для призраков прошедшего, уже исчезнувшего.

4. У этих народов *родители усиленно заботятся не только о здоровье детей, о чём заботимся и мы (да и то часто жертвуя им для ученья, экзаменов, городской жизни), но и о полном развитии силы и физической энергии;* при этом они развивают энергию не излишними телесными упражнениями или гимнастическими фокусами, которые в результате, напротив, ведут к утомлению и ослаблению тела. Напротив, они имеют замечательно верное представление об обыкновенных условиях физической жизни.

Мы также стараемся в настоящее время перенести к нам физические упражнения на английский манер взамен нашей ужасной, регламентированной гимнастики, которая есть не что иное, как ещё лишняя педагогика, столь же несамостоятельная и неинтересная, как и другие виды педагогики. Все те же ужасные рамки, которые теснят нас со всех сторон! Теперь мы копируем английские игры; я знаю, что и это тоже не всегда бывает удачно, что и в этом случае, как и во многих других, мы вносим слишком много увлечения; что вообще в этих упражнениях проявляется у нас слишком много распорядительности; что многие из наших воспитанников скорее желали бы освободиться от занятий, чем укреплять своё тело упражнениями. Но по крайней мере по этой плохой копии можно до некоторой степени судить об оригинале. Несомненно, что этого рода игры значительно благоприятствуют физическому развитию; кроме того, они содействуют приобретению спокойствия и самобладания, столь необходимых в жизни.

5. Это ещё не всё: у этих народов *родители весьма рано знакомят своих детей с практической стороной материальной жизни.* Они ещё в раннем возрасте позволяют им ходить одним, дают им разные поручения в пределах их понимания или даже немножко

повыше. Французы, посещающие Англию или Соединённые Штаты, удивляются этому; англичане же удивляются нашему удивлению, настолько это дело кажется им вполне естественным и настолько входит как существенное звено в их воспитании, цель которого образовать не литераторов, не чиновников, но прежде всего — человека.

Если б я не боялся шокировать читателя, то прибавил бы, что и к девушкам они относятся так же, как к молодым людям и вследствие тех же мотивов; но мне пришлось бы объяснять, почему такой порядок, который у нас мог бы представить некоторые неудобства, если бы мы завели его сразу, у них представляет больше выгод, чем неудобства. А это завело бы меня слишком далеко.

6. У этих народов *родители обыкновенно обучают своих детей какому-нибудь ручному ремеслу*, не питая к таким ремёслам высокомерного презрения, подобно нам. Они давно освободились от этой старой ошибки, которая для нас была пагубнее, нежели сто потерянных сражений; они не думают, что существуют благородные и неблагородные ремесла. Они считают, что существуют только люди способные и неспособные, работники и ленивцы. Поэтому сын лорда делается фермером, или фабрикантом, или купцом, ничуть не умаляя своего достоинства. И так бывает постоянно. Существует, впрочем, одна профессия, которую они считают ниже других, а именно чиновничество и политиканство. Они делают этой профессии два упрёка: во-первых, тот, что она, по их выражению, не “оплачивает себя”, так как доход от неё значителен только на самых высших должностях; во-вторых, тот, что она отнимает у человека его независимость. Между тем англосаксонское воспитание развивает в высокой степени **склонность к независимости**.

7. Заметим ещё одну черту: *родители опережают детей в ознакомлении со всеми полезными открытиями*. Иначе и не может быть в обществе, в котором умы обращены больше к будущему, нежели к прошлому, больше к рабочим профессиям, постоянно совершенствующимся, нежели к административным должностям, по существу своему неизменным в обществе, в котором удача достаётся тому, кто опирается не на какие-нибудь готовые рамки, а исключительно на свою инициативу и свои личные достоинства. Отсюда проистекает постоянная забота англосакса собирать и связывать положительные факты, хорошо проверенные. Это собрание часто делается без системы, даже без особенного порядка, чтобы только иметь в своём распоряжении большой запас фактов на случай надобности. Вследствие этого и английские газеты должны отвечать таким требованиям, которые делают их столь непохожими на наши, как день на ночь. Цель наших газет давать занимательное чтение, а для тех, которые считаются серьёзными, возбуждать политические страсти (что также своего рода забава и потеря времени). Их же газеты, наоборот, имеют, очевидно, главной своей целью скоро и верно ознакомить читателя с фактами. В них мало теории, мало общих рассуждений; только одни факты и факты. Эти два различных вида журналистики могли бы уже сами по себе достаточно указать на то, как различны эти два общества.

После этого неудивительно, что разговоры отца со своими детьми имеют там вообще серьёзное, реальное значение. В них не восхваляется модный свет (какая мода в Англии!), парижские сплетни или доброе старое время, когда жизнь была так легка, покойна и приятна. **Они восхваляют борьбу за жизнь — *struggle for life* и *самопомощь — self help***.

8. *Родители по отношению к своим детям очень мало пользуются своим авторитетом*. Они его берегут для исключительных, необычайных случаев. Мы уже выше сказали, что они смотрят на своих детей, как на существа, независимые от них, и как на взрослых людей. Нельзя воспитать человека, держа его постоянно под гнётом, даже если этот гнёт родительский. Они полагают поэтому, что настоящее, развивающее воспитание совершается не путём принуждения, а путём увлечения. Они действуют не столько приказами, сколько внушением, советом, причём делают вид, что они не заинтересованы в исполнении этих советов, и не вносят в них санкции своего авторитета. Они дают ребёнку время размыслить, убедиться и действовать самому.

9. **Но самая решительная и основательная мера, которую я приберёг под конец,**

состоит в следующем: дети знают, что их родители не берут на себя устраивать их положение в жизни. Во Франции мы ставим отцу семейства, как самый обычный, вопрос: “Что вы сделаете из вашего сына?” На что он серьезно отвечает: “Я сделаю из него чиновника или судью” или что-нибудь другое. И он, в самом деле, считал бы себя плохим отцом, если бы не занялся будущностью своего сына, не постарался бы устроить для него такое положение в свете, какое он, отец, считает наилучшим. Этот отец в своей преданности идёт так далеко, что лишает себя части своего имущества, чтобы наградить приданым своих детей. **Отец-англичанин или американец не заботится о приданом: каждое поколение должно рассчитывать лишь на собственные свои силы.**

У нас же — наоборот, предшествующее поколение должно заботиться об устройстве следующего за ним. Отсюда происходит следующее. У вас, положим, трое, четверо или пятеро детей; чтобы ваше положение не понизилось, чтобы ваши дети оставались на том же уровне, вы должны, кроме собственного состояния, составить ещё три, четыре или пять состояний, и это раньше, чем ваши дети достигли совершеннолетия, т.е. приблизительно в течение двадцати лет. Без этого вам не удастся женить их, так как их берут, главным образом, за их деньги.

Известно, что это такая каторжная работа, что можно совсем всё бросить. И в самом деле, французские отцы семейства бросают всё, довольствуясь одним или двумя детьми.

Недавно я ещё раз прочитал переписку Франклина. В письме к своей матери он говорит об одном из своих сыновей, не выказывавшем желаний самостоятельно устроить своё положение и, по-видимому, рассчитывавшем на состояние своего отца... “Я его разочарую, — пишет Франклин, — потому что я трачу столько денег, что для него будет ясно, что я ему ничего не оставляю”.

Но вы ужасаетесь при мысли оставить своих детей без *наследства*. Ваша отеческая любовь возмущается. Вы забываете, что отец англосаксонской семьи, не оставляющий детям ни гроша, в действительности даёт им несравненно больше, чем отец французской семьи. **Он им даёт именно то, о чём мы так хлопочем, и чего ни вы, ни я не можем им дать: тот поразительный дух инициативы, ту способность помогать себе во всяком деле, которые мы охотно приобрели бы ценою золота и которые мы сами заглушаем тем золотом, которое мы копим с таким трудом и так пошло.** В самом деле, мы живём, как нищие, мы практикуем систематическое бесплодие для того, чтобы дать возможность нашим детям ничего не делать или делать по возможности меньше. Мы полагаем, что таким образом устраиваем их будущее. Однако взгляните, что делается кругом вас: кто возвышается, кто достигает наибольших успехов во всякой деятельности и находит всюду лучшие места? Из десяти случаев в девяти, — это люди, вышедшие из бедности, добившиеся всего сами, с избытком испытавшие холод и голод и которые, чтобы добыть себе пропитание, должны были проявить сильную личную инициативу. Взгляните с другой стороны на тех, кто надеется больше на свою семью, чем на самого себя, кто рассчитывает на деньги родителей, на приданое жены больше, чем на свой личный труд: они падают всё ниже и ниже, до самых низких степеней, во всём и сравнительно со всеми, несмотря на полученное ими весьма “тщательное” образование. Они потеряли всякое влияние в своей стране. Они сделали невозможной монархию; не имея возможности подняться собственным трудом, они могут уцелеть только в случае, когда они единственные сыновья или женятся на деньгах.

Те же молодые люди, о которых я говорил, сильные телом, привычные к реальной жизни, всегда близко стоящие к материальным фактам, всегда признаваемые за взрослых людей, привыкшие рассчитывать только на себя, смотрящие на жизнь, как на борьбу (что вполне сходится с христианским учением), — такие молодые люди, полные юношеской силы, не боятся никаких жизненных трудностей; они даже их любят, ищут и побеждают. И с той серьёзной подготовкой, которая им была дана, они в этой борьбе чувствуют себя вполне удобно и возрастают в ней.

А теперь рассудите, сравните и решайте. Я старался указать на пружины, приводящие в

движение ту расу, которая является наиболее захватывающей и наиболее опасной для старых, устаревших обществ. Она покоряет мир и, что особенно чудесно, — совершает это, имея в своём распоряжении минимум государственной власти. В чём же заключается её могущество? Эта раса владеет максимумом социальной силы, а социальная сила во сто раз могущественнее всех войск и всякой правительственной власти.

Величайшая опасность для нас, величайший наш противник не за Рейном, как мы думаем (от этого врага нас освободят милитаризм и социализм), но главная опасность, главный соперник за Ла-Маншем и по ту сторону Атлантического океана, всюду там, где поселяется англосаксонский пионер или фермер. Им пренебрегают, потому что он появляется не так, как немец, с многочисленной армией и усовершенствованным оружием, а в одиночку и с плугом в руках. Пренебрегают им потому, что не знают, что значит плуг и что значит такой человек. Когда это будет известно, тогда поймут, в чём заключается опасность и в чём надо искать защиты от неё.

Общества “коммунитарной формации” отличаются стремлением людей опираться не на самих себя, но на общину, на группу, семейство, племя, класс, на общественную власть и т.д. **Народы Востока суть представители этого типа.** *Общества партикуляристической формации* характеризуются стремлением искать опору не в общине, но в самом себе. Англосаксонские народы представляют их весьма яркий образец.